

Для цитування: Шевченко І.С. Три источника и три составные части теории дискурса // Записки з романо-германської філології. Ювілейний випуск, присвячений 80-річчю професора Кухаренко В.А. – Вип. 20. – Одеса : Фенікс, 2008. – С. 126–140.

Please cite as: Shevchenko, I.S. (2008). Tri istochnika i tri sostavnye chasti teorii diskursa [Three sources and three components of discourse theory]. *Zapiski z romano-germans'koї filologii. Juvilejnjij vipusk, prisyjachenij 80-richchju profesora Kuharenko V.A. – Papers in Romance and Germanic Philology. To the 80th jubilee of prof. V. Kuharenko, 20, 126-140* (in Russian)

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

И.С. Шевченко

Юбиляр Валерия Андреевна Кухаренко относится к немногочисленной группе глубоких ученых, которые с неизъяснимым изяществом и внешней легкостью берутся за трудные темы и делают смелые выводы. Положения разработанной ею теории текста не только не утратили своей актуальности в новом веке (о чем свидетельствуют переиздания базовых трудов [Кухаренко 2004]), но многие из них только сейчас могут быть в полной мере осознаны. Таким является разработанный В.А. Кухаренко интерпретативный подход к тексту, вызывающий особое внимание в связи с развитием теории дискурса в последние десятилетия.

Дискурсивные исследования принадлежат к одной из наиболее актуальных проблем, интерес к которым объединяет лингвистов, социологов, имиджмейкеров, специалистов PR и смежных наук. Объектом рассмотрения в данной статье являются теоретические принципы лингвистического анализа дискурса, а ее предметом служат «источники» и «составные части» теории дискурса. Как всякая метафора, последнее не претендует на исчерпывающее определение, а скорее задает ориентиры нашего поиска.

Интерес современной лингвистики, социологии и смежных наук к дискурсу, отразившийся в большом количестве исследований и не меньшем – различных определений дискурса, требует уточнения принципов анализа дискурса. Современная гуманитарная наука характеризуется сменой своей онтологии: от механистической, базирующейся на философском рационализме, к дискурсивной, основывающейся на идеях постмодернизма и постструктурализма. В лингвистике это означает, что, во-первых, в антропоцентрических исследованиях с их функциональностью, экспланаторностью, экспансионизмом принцип интерпретационизма заменяется принципом (социального) конструктивизма. Во-вторых, на смену механистично трактуемым единицам языка и речи как ‘вещам’, управляемыми принципами каузативного детерминизма, приходит новый объект исследования – дискурс, который конструирует смыслы и шире – реальность в социально-психологической среде и сам выступает вербальной формой социальной практики. Это недетерминистская нелинейная деятельная онтология.

Формирующаяся новая парадигма – когнитивно-коммуникативная [Кубрякова; Морозова, Шевченко] исходит из функционального подхода к коммуникации и основывается на философском трактовании когниции на базе человеческого опыта и системно-деятельного понимания вербального взаимодействия, языкового сознания, языка. Она нацелена на интегральное изучение ментальных и рече-коммуникативных процессов и использует широкий набор методов и методик когнитивистики и прагматики, смежных дисциплин. Ее методологической базой является постмодернизм и социальный конструкционизм, ее предметная область охватывает дискурс, его компоненты и единицы.

В новой парадигме остро стоит вопрос о разграничении дискурса и текста. Этимологический анализ соответствующих слов в германских, романских и русском языке восходит к латинской первооснове, где «discursus – имя действия, а textus – имя предмета, результата действия» [Демьянков, с. 49]. По данным В.З. Демьянкова, «дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в ее становлении перед

мыслительным взором интерпретатора» [там же, с. 49]. При этом интерпретатор интерпретирует содержание дискурса в рамках ранее полученной информации, устраняя референтную неоднозначность. Он воссоздает *discourse world*, привнося в обстоятельства и характеристики мира дискурса домысливаемые им самим детали и оценки. Тем самым «прототипический текст – предмет, а прототипический дискурс – процесс, как этого и требует их этимология» [там же, с. 50].

В соответствии с когнитивно-коммуникативной (когнитивно-прагматической) парадигмой лингвистики мы понимаем дискурс как интегральный феномен, как мыслекоммуникативную деятельность, представляющую как совокупность процесса и результата и включающую как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект, в котором помимо текста выделяется пресуппозиция и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающие выбор языковых средств [Шевченко, Морозова, с. 38]. Помимо собственно лингвистических источников – функционализма, теории текста и др., дискурс в этой трактовке базируется на идеях философии, социологии, психологии, обобщенных в (1) критической теории Ю. Хабермаса [Habermas], (2) теориях символического интеракционализма Дж. Мида и др. [Mead 1934] и (3) социального конструкционизма П. Бергера и Т. Лукмана и др. [Бергер, Лукман].

Критическая теория, одним из наиболее ярких представителей которой является Юрген Хабермас, представляет собой одну из разновидностей неомарксистской теории – подхода, исходящего из обобщенного, системного рассмотрения коммуникативных явлений в широком (социальном) контексте в их связи друг с другом [Ритцер, с. 174]. В центре теории Ю. Хабермаса – вопрос о соотношении между знанием и человеческими интересами как диалектическое соотношение субъективного и объективного, причем человеческое знание существует на объективном уровне, а человеческие интересы более субъективны [Habermas 1970; Habermas 1975].

В своей теории Ю. Хабермас выделяет три системы знаний и соответствующих им интересов:

- первый тип знаний – аналитические науки или классические позитивистские научные системы – обеспечивают научную предсказуемость и контроль явлений окружающей среды, социума, коммуникации;

- второй тип знаний – гуманитарные (гуманистические) науки, интерес которых фокусирован на понимании мира. Этот тип знаний обеспечивает взаимопонимание и осознание личностью самой себя;

- третий тип знаний – критическое знание, связанное у Хабермаса, прежде всего, с критическим осознанием социальных процессов, приводящим к протестному социальному движению и в результате – тому, что он определяет как освобождение человека.

Коммуникативная деятельность в понимании Ю. Хабермаса связана с повседневной жизнью и отличается от дискурса, который он определяет как «ту форма общения, которая не связана с контекстом опыта и деятельности» и структура которой включает утверждения, рекомендации или предупреждения, участников общения, мотивы и темы общения, важнейшие из которых, по Хабермасу – желание совместно доискаться до истины [Habermas 1975, p. 107-108]. Тем самым *дискурс* для Хабермаса – явление из области теоретического, «идеальная речевая ситуация», в которой в результате взаимодействия различных аргументов достигается истина.

Истина служит краеугольным камнем в концепции Ю. Хабермаса, целью его эволюционной теории. «Критичность» его дискурс-анализа проявляется в провозглашении ценности неискаженной, истинностной коммуникации, коммуникации без принуждения. Отсюда его интерес к факторам, «искажающим» коммуникацию, в частности, социальным корням этого явления, и провозглашение в качестве политической цели общество неискаженной коммуникации, рациональное общество. Согласие возникает в дискурсе (в коммуникативной деятельности) как результат принятия

коммуникантами, соблюдения и признания обоснованными следующих четырех принципов: во-первых, говорящий изъясняется понятно, вразумительно; во-вторых, его утверждения истинны; в-третьих, говорящий высказывает свои суждения искренне; в-четвертых, говорящий строит свою речь нормативно, пристойно. По мысли Ю. Хабермаса, согласие достигается при соблюдении всех четырех условий коммуникативной деятельности и разрушается при нарушении одного из них (отметим, что данные условия легко сопоставимы с коммуникативными максимами П. Грайса).

Коммуникации отводится главенствующая роль в эволюционной теории Ю. Хабермаса: прогресс достигается, по его мнению, через рационализацию коммуникативного действия, через «снятие ограничений в общении», обеспечение его открытости и свободы (в первую очередь от социальных ограничений) [Habermas 1970, p.118; Habermas 1975].

Созданная в рамках социологии, критическая теория Ю. Хабермаса нашла широкое применение в критическом дискурс-анализе в лингвистике, во многом определяя ее социокультурные основы. Школа критического анализа дискурса отличается от иных направлений анализа дискурса фокусом на социальных и культурных проблемах дискурса: на проблемах власти, социального неравенства, контроля и подчинения и проч. При всей разности индивидуальных подходов исследователей, стоящих на позициях критического анализа дискурса – Рут Водак, Нормана Фейрклау, Тьюна ван Дейка, Е.И. Шейгал и др., их объединяет интерес к экстралингвистическим, социально-культурным, в том числе этнокультурным, аспектам общения. Так, изучаются роли коммуникантов и их вербальное поведение в ситуациях социального неравенства, обусловленных принадлежностью участников к национально-культурным меньшинствам, моделируются ситуации этнических конфликтов и речевые стратегии и тактики этнокультурных предубеждений на примере различных обществ Австрии (еврейского меньшинства) [Wodak] и Нидерландов (турецкой и марокканской диаспор в Амстердаме) [Дейк Т.А., с. 160-305]. Рассматривается связь языка – власти – идеологии, отношения языка и власти: функционирование языка для обеспечения и изменения отношений власти в современном обществе [Fairclough], моделируется политический дискурс и отношения между его оставляющими, его когнитивные особенности, стратегии и тактики [Шейгал].

Символический интеракционизм как один из источников теории дискурса появляется в философии появляется и получает глубокое обоснование в трудах Г. Блумера, Дж. Дьюи, Ч. Кули, Дж.Г. Мида, [Blumer; Dewey; Cooley; Mead 1934; Mead 1982], хотя своими корнями он восходит к идеям прагматизма и бихевиоризма, черпая из них критерий *полезности* в аксиологии и *деятельностный* принцип. Основы символического интеракционизма можно обобщить как: 1) упор на взаимодействии между актором и миром; 2) актор и мир рассматриваются как динамические процессы, а не статичные структуры и 3) огромная важность придается способности актора интерпретировать мир [Ритцер, с. 238-239].

По мнению Джорджа Герберта Мида, который основывает свою теорию на понятии *деятельности* и исходит из приоритета социального перед индивидуальным, в язык – важнейший инструмент социальной деятельности, «значимый голосовой жест» [Mead 1982, с. 14], символ, несущий определенный смысл» [Mead 1934, с. 46].

Исходя из философского прагматизма, Мид рассматривает «функции» языка – набора значащих символов как «приспособление» акторов к объекту их деятельности в социальном мире: «значащий символ обеспечивает гораздо больше возможностей для такого приспособления и исправления, чем незначащий жест, поскольку вызывает у производящего его индивида такое же отношение к этому... и позволяет ему в свете указанного отношения приспособить свое последующее поведение к поведению других» [Mead 1934, с. 46]. Тем самым теория символического интеракционизма, объясняет, с одной стороны, каким образом благодаря своей способности мыслить коммуниканты могут создать в уме набор возможных реакций на ситуацию и выбрать альтернативные

способы совершения вербального действия, в котором они участвуют. С другой, люди способны мысленно опробовать с помощью саморефлексии (внутреннего разговора человека со своим «Я») различные варианты действия.

Символический интеракционизм подчеркивает двустороннее воздействие человека и передаваемой информации: способность мыслить формируется и совершенствуется в процессе социального взаимодействия – *социализации*, в свою очередь, позволяющей людям развивать способность мыслить. Кроме того, социализация – это не просто односторонний процесс получения информации, но динамичный процесс формирования и приспособления информации к собственным потребностям говорящего.

Важность, придававшаяся символическими интеракционистами *мышлению*, приводит к ситуативной, реляционной точке зрения на значение, согласно которой разные объекты имеют для различных индивидов неодинаковые значения: «Дерево будет разным объектом для ботаника, лесоруба, поэта и садовода-любителя» [Blumer, с. 11].

Интеракция трактуется символическими интеракционистами как процесс, в котором одновременно развивается и выражается способность мыслить [Blumer, с. 8]. Символические интеракционисты, вслед за Мидом, склонны приписывать социальной интеракции причинную значимость. Таким образом, *значение* формируется не в изолированных мыслительных процессах, оно не существует помимо человека, а создается им в интеракции [Макаров, с. 261]. Иными словами, «интеракционисты изучают то, как люди строят, *конструируют* (преимущественно дискусивно) собственные ситуативные версии общества» [Макаров, с. 52]. Этот вывод вытекает из мидовского прагматизма: исследователь фокусировался на действии и взаимодействии, а не изолированных мыслительных процессах.

Символический интракционизм обеспечивает базу для *интеракционной модели коммуникации*, согласно которой коммуниканты конструируют смыслы в ходе ролевого взаимодействия с учетом социальных, психологических, этнокультурных параметров ситуации. Коммуникация трактуется при этом как «демонстрация смыслов, отнюдь не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом» [Макаров, с. 38]. Такой подход делает интеракционную модель релевантной для объяснения как прямой, так и не прямой вербальной коммуникации, в отличие от ее кодовой модели, восходящей к схеме Шеннона и Вивера «ввод информации → канал связи → вывод», в основном ограниченной эксплицитной, прямо переданной информацией.

В соответствии с пониманием вербальной коммуникации как взаимодействия в качестве единицы анализа интеракционная модель дискурса фокусирует внимание исследователя на обмене (exchange), называемом также элементарным взаимодействием (elementary interaction) [Miller], смежной парой (adjacency pair) [Mead 1982], шагом [Макаров, с. 186; Шевченко, с. 112]. Тем самым интеракционная модель акцентирует:

- взаимодействие коммуникантов в речевом общении, в ходе которого создаются и воспроизводятся системы ценностей и социальные отношения;
- ситуативную привязанность коммуникации;
- интерпретационный, конструируемый характер смыслов.

Принципы рефлексии, конструирования смысла высказывания в ходе реального общения теория дискурса черпает в идеях **социального конструкционизма** – социологической теории эпохи постмодернизма, трактующей коммуникацию как социальный процесс построения мира, в котором на первый план выходит акциональность [Pearce]. Хотя конструкционисты стоят на позициях реализма, им чужд объективизм: по мнению Московичи, социальная и психологическая реальность не существуют независимо от человека, но конструируются им [Moscovici 230]. Дискурсивная практика рассматривается как элемент более широкой социальной практики (социального взаимодействия – social interaction [Fairclough, p.24]: в социологических теориях

«дискурсивная практика воспроизводит или изменяет другие измерения социальной практики» (политику, экономическую логику, социальные отношения и пр.), так же, как они «формируют дискурсивное измерение – вместе они изменяют наш мир» [Филипс, Йоргенсен, с.39].

Конструкционизм объясняет многие явления протекания интеракции и выбора ее средств. Личность оказывается «расщепленной», «Я» приобретает конкретные черты только в дискурсе, ср.: истинностное, целостное Я – это «миф», человек частично структурирован дискурсами, причем структурирование никогда не является полным [Lacan]. В ситуациях дискурса происходит позиционирование коммуникантов, статусы которых безотносительны вне определенной узловой точки их соотнесения в дискурсе. Тем самым идентичность личности соответствует ее субъективной позиции в дискурсе (как идентификация с чем-либо) и, соответственно, изменяется от дискурса к дискурсу. В свою очередь, речевое поведение коммуниканта, стратегии и тактики, задаются его статусом в дискурсе.

Разграничение понятий значения и смысла как языковой и речевой сущностей дополняется в когнитивно-дискурсивной парадигме представлением о конструируемом характере смысла. Так, Р. Ленекер характеризует отношения между говорящим и явлением (ситуацией), которое он описывает с помощью определенных адекватно выбранных средств, как отношения конструирования (construal relationship) [Langacker, с.128]. Согласно идеям социального конструкционизма, «наш способ общения не только отражает мир, идентичности и социальные отношения, но и играет активную роль в его создании и изменении» [Филипс, Йоргенсен, с. 15]. В теории социального конструкционализма смыслы предстают как результат конструирования – construal [Burr]. Основанная на идеях постструктурализма, эта теория утверждает, что смысл не фиксируется дискурсом, это постоянно изменяющийся феномен: в процессе использования знаки языка получают все новые значения, тем самым значение/смысл, воспринимаемый человеком, является дискурсивным конструктом.

Таким образом, для анализа дискурса в лингвистике существенны положения конструкционалистов о том, что

- социальный мир конструируется в дискурсе;
- отдельно взятое высказывание лишено конкретного смысла;
- высказывание не обладает неизменным, застывшим смыслом, а приобретает его лишь в процессе интеракции;
- коммуникант идентифицируется как динамичная реляционная сущность в дискурсе, что и определяет его речевое поведение: выбор языковых средств, стратегий и тактик и др.

В качестве составных частей теории дискурса выделяем теории, объясняющие структурные единицы дискурса, механизмы и принципы его функционирования: (1) теорию речевых актов, (2) теорию мены ролей, (3) принципы дискурса (принципы кооперации [Грайс] и принципы вежливости [Brown, Levinson; Lakoff R.; Leech]).

Стандартная **теория речевых актов**, оформившаяся в трудах Дж.Л. Остина и разработанная его учеником Дж.Р. Сёрлем, трактует речевой акт как единицу речевой деятельности (речевое действие), которое, по Дж.Л. Остину, представляет собой произнесение предложения. В речевом акте выделяются три уровня: (1) локутивный акт, в котором реализуются фонетические, грамматические и семантические составляющие произносимого предложения; (2) иллокутивный акт, реализующий коммуникативное намерение (интенцию) говорящего: обещание, просьбу, мольбу, извинение, благодарность, объявление войны и пр.; (3) перлокутивный акт, целью которого является воздействие на адресата: уговаривание, запугивание и т.п. Дж.Р. Сёрль использует также понятие пропозиционального акта, который в семантической структуре (логической форме) произносимого предложения выделяет референт высказывания (акт референции) и приписывает (преддицирует) ему какой-то признак (акт предикации). Им разработаны

условия и правила успешности (во многом логического характера), таксономия иллокутивных актов. Он также предложил процедуру интерпретации косвенных (небуквальных) речевых актов [Серль]. Большинство последующих попыток классифицировать речевые действия опираются на предложения Сёрля, хотя есть немало и других версий.

Речевой акт вызывает в настоящее время наибольшие дискуссии (вплоть до отрицания его права на существование). Дискурсивная методология требует переосмысления этого понятия, поскольку в стандартной теории речевых актов он определяется как минимальная единица речевого действия (а не взаимодействия) [Остин] и практически ограничивается аспектами говорящего и его интенции, за что подвергался справедливой критике.

В новой когнитивно-коммуникативной парадигме, где постмодернизм пришел на смену механистичности и реализму, а конструктивизм – интерпретационализму, понятие речевой акт не отбрасывается, а получает новое содержание с учетом того, что дискурс имеет интерактивную природу; это не только действие, но взаимодействие, ср.: в коммуникативном событии коммуниканты ‘делают’ что-то большее, чем просто используют речевые акты или передают идеи – они ‘*взаимодействуют*’ [van Dijk 1997: 2] (*курсив мой – И.Ш.*). Соответственно, РА является не только действием, а скорее взаимодействием, единицей когнитивно-коммуникативного характера, как и сам дискурс (РА отличается от двухсторонних единиц дискурса, начиная с обмена, где формально представлены речевые вклады говорящего и слушателя) (ср.: РА – это «прежде всего, интеракционный акт, акт межличностного речевого общения» [Карабан, с. 51]). Таким образом, минимальной единицей дискурса мы считаем речевой акт, определяя его как речевое взаимодействие говорящего и слушающего для достижения определенных перлокутивных целей говорящего путем конструирования ими дискурсивного значения в ходе общения.

Механизм обмена речевыми актами в ходе дискурса описывает **теория смены ролей** (turn-taking [Sacks, Schegloff, Gefferson]). Структура дискурса по-разному представляется отдельными лингвистами. С одной стороны, ее представляют как структуру обмена речевыми действиями, фазы языкового взаимодействия и др. (обзор работ приводится в: [Макаров, с. 174-182]). С другой точки зрения, проблема заключается в том, что известные попытки смоделировать структуру дискурса нередко смешивают в одной типологии единицы речи и единицы дискурса, к тому же, одни и те же термины для определения различных единиц. Так, согласно Т.А. ван Дейку, ни текст, ни высказывание не являются единицами дискурса, в их роли выступают коммуникативные события и коммуникативные акты. В коммуникативных событиях во внимание принимаются говорящий и слушатель, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации (как и в трактовке этого термина в этнографии коммуникации).

В поисках места речевого акта в структуре дискурса исходим из того, что система дискурса – это гештальт, единство процесса и результата (talk and text [van Dijk], текст в ситуации реального общения [Карасик, с.285]), который с эвристическими целями можно разделить на продуцирование и восприятие дискурса или его течение (аспект динамики), и текст – его результат (аспект статики). То есть текст – это только одна из составляющих дискурса – коммуникативного процесса, который ведет к созданию определенной структуры – текста. Причем дискурс является не столько корпусом отдельных текстов, сколько отношением между высказываниями, которые объединяют их в единую дискурсивную формацию («дискурсивную сетку» [Foucault 1972]).

Единицы дискурса образуют иерархию. Объединенные в последовательность, речевые акты создают речевой ход (move), хотя речевой ход может состоять из одного речевого акта говорящего. Речевой ход соответствует понятию реплики и в диалоге определяется границами речи одного говорящего. Последовательность связанных речевых ходов составляет речевой шаг или обмен, который трактуется как смежная пара реплик

(Levinson 1983), интерактивный блок (Сусов 1984: 7) или диалогическая совокупность. Элементарная диалогическая совокупность как единица речи является обменом из двух ходов (стимул – реакция), а сложные обмены могут насчитывать три или более реплик – ходов (например, стимул – реакция – подтверждение - ... и т.д.). В классической прагматике элементарный обмен, как правило, определялся как базовая единица речевого общения – взаимодействие нескольких коммуникантов. Об этом говорит и его название «дискурсивный акт» в работе (Henne, Rehbock 1982), и противопоставление обмена и речевого акта как минимальной единицы речевого действия одного говорящего. Противопоставление действия и взаимодействия, важное для функционально-синтаксического исследования, не является релевантным для когнитивно-коммуникативной парадигмы анализа дискурса, где понимание значения как конструкта акцентирует активную роль слушателя в его использовании, а, следовательно, всякую единицу дискурса можно считать взаимодействием.

Последовательность нескольких речевых шагов, соединенных тематически и служащих достижению поставленной цели общения, обозначается как транзакция – соответствие понятия (микро)диалога в речи. В фатическом общении транзакции дискурса совпадают с фазами коммуникации: вслед за Г.Г. Почепцовым, их определяют как транзакции установления, поддержания и размыкания контакта [Матюхина].

Самым крупным элементом в структуре дискурса является речевое событие (speech event) (Ван Дейк 1989), которое определяют как завершенное речевое общение, разговор, интеракцию, что соответствует в речи макродиалогу или (макро)тексту. По Т.Ван Дейку, речевое событие означает, что «люди пользуются языком для того, чтобы передать идеи или убеждения (либо выразить эмоцию), делая это как часть более сложных социальных событий, например, в таких специфических ситуациях, как встреча с друзьями, телефонный звонок, <...> когда пишут или читают статью в газете» (van Dijk 1997:2). Таким образом, примерами речевого события служат устные и письменные дискурсы: переговоры, телефонные разговоры, беседы с врачом, тексты писем и т.д.

На наш взгляд, дискурс как система единиц различных уровней обнаруживает не прямые соответствия системе речи, хотя сами эти системы различны: уровни дискурса определяются когнитивно-прагматическими критериями, уровни языка – структурными: так, речевому акту (единице дискурса) соответствует высказывание (единица речи) и т.д. (по Дж. Юлю, речевой акт определяется как «действие, осуществленное с помощью высказывания» – извинение, комплимент, приглашение, обещание, просьба и др. [Yule, с.47]). Единицы речи с определенной долей условности коррелируют с единицами дискурса: высказыванию – реплике – диалогическому единству – микродиалогу – макродиалогу – тексту в определенной степени соответствуют речевой акт – ход – шаг (обмен) – транзакция – речевое событие – дискурс.

Мена ролей (взятие репликового шага) осуществляется на стыке речевых шагов, ее особенности определяют характер протекания транзакции. Так, выделены типы взятия шага: гладкий, перебивающий, после паузы, описаны сигналы мены ролей и др. (обзор см. [Макаров]).

Принципы дискурса служат объяснению того, каким закономерностям подчиняется речевое общение. Правила упорядоченности говорения как одного из видов целенаправленного и рационального поведения сводятся в наиболее общем виде к двум системам закономерностей, взаимодополняющих друг друга: это постулаты кооперации и принципы вежливости (в данном случае точнее говорить не о предписывающих правилах, а об объясняющих закономерностях).

Первые разработаны Г.П. Грайсом для интерпретации значения говорящего (Grice); им введено понятие имплицатуры как выводного (инференционного), имплицированного значения, и разграничены конвенциональные и неконвенциональные конверсационные имплицатуры (т.н. имплицатуры дискурса).

Принцип **кооперации** по существу подводит деятельностьную основу под анализ прагматических значений и придаёт когнитивную ориентацию анализу дискурса. Соблюдение этого принципа ожидается от всех участников общения, имеющих целью эффективную передачу информации. Это четыре группы универсальных постулатов или максим (рекомендаций общающимся), известные как постулат качества, количества, релевантности, способа [там же].

Общение в дискурсе объясняют и теории **вежливости**. В их основе – предложенное И. Гоффманом понятие *лица* как «позитивной социальной ценности», на которую претендует индивид или «образ» своего Я (image of self) в терминах «одобряемых общественных атрибутов» [Goffman, с.62]. В процессе общения коммуниканты стремятся к сохранению своего лица и лица собеседника, причем сохранение лица выступает не целью коммуникации, а условием, без выполнения которого невозможно эффективное общение.

В анализе дискурса используются правила вежливости Р. Лакофф [R. Lakoff] как развитие идей кооперации П. Грайса; это правила прагматической компетенции, которые сводятся к следующим: а) не вмешивайся (используется в формальной, деперсонализированной обстановке); б) предоставляй собеседнику свободу выбора (употребляется в неформальной обстановке); в) будь дружелюбен (употребляется в межличностной коммуникации) [там же, с. 301].

Принцип вежливости, по Дж. Личу, состоит в поддержании социального равновесия и доброжелательных отношений партнеров по коммуникации с целью достижения взаимопонимания, выдвигая на первый план социальные параметры ситуации общения. Для отдельных типов речевых актов Дж. Лич выделяет три пары максим вежливости: максимы такта и великодушия (для комиссивов), одобрения и скромности (для экспрессивов и ассертивов), согласия и симпатии (для ассертивов), следуя которым адресант минимизирует несогласие с адресатом, делая акцент на согласии и симпатии [Leech].

Детализированная в работе П. Браун и С. Левинсона [196], теория вежливости предстает как система из 10 и 15 полярных стратегий для обеспечения необходимой «позитивной» и «негативной» вежливости в дискурсе. В отечественной традиции принято трактовать позитивную вежливость как «вежливость сближения» (или вежливость контакта), а негативную – как «вежливость отдаления» (вежливость дистанции) [Ларина, с. 19]. Первое представляет собой демонстрацию солидарности с адресатом, а второе – сохранение дистанции между говорящим и слушающим, проявление уважения к последнему.

Отметим, что дискурсивный подход акцентирует этно- и социокультурную специфичность постулатов кооперации и вежливости. Так, А. Вежбицкая указывает на различное применение постулата количества в тавтологических высказываниях на английском и русском языках: выражение «*Жизнь есть жизнь*» соответствует английскому «*That's life*», причем смысл русского выражения сводится к «*Жизнь должна продолжаться*» (с определенным оттенком пессимизма), а английского – к реалистичному, трезвому и мудрому отношению к жизни [Werzbicka, с.394]. Принципы вежливости, непосредственно ориентированные на социокультурные нормы и ценности общества, демонстрируют как кросс-культурную специфичность для различных культур и народов (польской, американской, еврейской, итальянской и др.) [там же], так и историческую зависимость [Шевченко]. Так, в англоязычной лингвокультуре вежливость предполагает наличие определенной дистанции в дискурсе; уважение к собеседнику чаще демонстрируется стратегиями отдаления, чем сближения [Ларина].

Суммируя сказанное, теорию дискурса можно считать сложной междисциплинарной областью, основанной на собственно лингвистических подходах функционализма, а также на идеях философии, социологии и психологии, обобщенных в критической теории, теориях символического интеракционализма и социального

конструкционизма. В качестве составных частей теории дискурса можно использовать теории речевых актов, мены ролей и принципы дискурса, объясняющие соответственно структуру дискурса, механизмы и принципы его функционирования.

Литература:

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып. 16. — С. 217-237.
- Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
- Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. — 1999. — № 1. — С.37-55.
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обобщенного языка // Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой. — М.: Языки славянских культур. — 2005. — С. 34-55.
- Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. — Киев: Вища школа, 1989.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
- Киселева А. Новое — хорошо забытое старое // СЮ. — 2006. — № 12.
- Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. — М.: Высш. шк., 1982.
- Красных В.В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003.
- Крылова А. Психология. — М.: Проспект, 2000.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003.
- Матюхина Ю.В., Шевченко И.С. Прагматические особенности фатической метакоммуникативной информации в дискурсе // “Треті Каразінські читання: методика і лінгвістика — на шляху до інтеграції”. — Харків: Харків. нац. ун-т ім. В.Н. Каразіна, 2003. — С. 110-111.
- Миронова Н.И. Политический дискурс vs. оценочный дискурс // Политический дискурс в России. — М., 1997. — С.41-50.
- Почепцов Г.Г. (мол.) Теорія комунікації. — Київ: Спілка рекламистів України, 1996.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с.
- Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 170-194.
- Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С. 151-169.
- Сузов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1984. — С.3-12.
- Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. — М.: Никколо-Медиа, 2002. — 313 с.
- Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. — 2003. — № 586. — С. 33-38.
- Шевченко И.С. Теория Юргена Хабермаса и критический анализа дискурса // Вісник Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. — 2007. — № 773. — С. 12-15.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. — М.-Волгоград: Перемена, 2000. — 368 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.
- Argyle M. Soziale Interaktion. — Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1972.
- Blumer H. Symbolic Interactionism. — Englewood Cliffs, 1969.
- Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. — 345 p.
- Burr V. An Introduction to Social Constructionism. — London: Sage, 1995.
- Cooley C. Human Nature and the Social Order. — New York, 1964 (1902).
- Cutlip, S., Center, A., Broom G. Effective Public Relations. — Upper Saddle River, NJ., 2000.
- Dewey J. The Public and its Problems. — New York, 1927.
- Fairclough N. Language and Power. — London and New York: Longman, 1989. — 259 p.
- Goffman E. Interaction ritual. — New York: Anchor Books, 1967.
- Habermas J. Towards a Rational Society. — Boston: Beacon Press, 1970.
- Habermas J. Legitimation crisis. — Boston: Beacon, 1975.
- Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.1. Reasoning and the Rationalization of Society. — Boston: Beacon, 1984.
- Halliday M.A.K. Context of situation // Language, context and text / Ed. by M. A. K. Halliday, R. Hasan. — Geelong, Vic.: Deakin University Press, 1985. — P. 3-14.
- Kress G. Text and discourse // Handbook of discourse analysis: In 4 vol. / Ed. by T.A. van Dijk. — L.: Academic Press, 1985. — Vol. 4.: Discourse Analysis in Society.
- Lacan J. Ecrits: A Selection. — N.Y.: W.W. Norton & Co, 1979.
- Lakoff G. Moral Politics. How Liberals and Conservatives Think. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 2002. — 471 p.
- Lakoff R. The Logic of Politeness: On minding your p's and q's // Papers from the ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society, 1973. — P. 292-305.
- Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. V.1. — Stanford, Ca: Stanford University Press, 1987.
- Leech G. Principles of Pragmatics. — London, N.Y.: Longman, 1983. — 250 p.
- Mead G. H. Mind, Self and Society. — Chicago, 1934.
- Mead G. H. The Individual and the Social Self. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982.
- Miller D. The Meaning of Role-Taking // Symbolic Interaction. — 1981. — V.4. — P. 167-175.
- Moscovici S. Notes towards a description of social representation // European Journal of Social Psychology. — 1988. — V.18. — P. 211-250.
- Pearce W.B. Interpersonal Communication: Creating Social Worlds. — New York, 1994.
- Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. — Oxford: Blackwell, 1983. — 272 p.
- Werzbiecka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. — Berlin, N.Y.: Mouton, 2003. — 502 p.
- Wodak R. Turning the tables: anti-Semitic discourse in post-war Austria // Discourse and Society. — 1991. — Vol. 2. — No.1. — P. 47-64.

Литература:

1. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка. — М., 1993.
2. ван Дейк Т.А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1978. — Вып. 8. — С.259-336.
3. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. — Саратов: УСПИ, 1998.
4. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований. — Киев: Вища школа, 1989.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003.

7. Макаров М.Л., Жуков И.В. Критический анализ дискурса в начале XXI века // Материалы междунар. Конф., посв. 60-летию ф-та ин.яз. Ч.2. – Тверь: ТГУ, 2003. – С. 89 – 102.
8. Матюхина Ю.В. Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI – XX вв.: Дисс. ... канд. филол.наук: 10. 02.04. – Харьков, 2004.
9. Остин Дж. Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – № 17. – С. 22-130.
10. Почепцов Г.Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике: Межвуз. сб. научн. трудов. — Пятигорск, 1986. — С.10-17.
11. Почепцов Г.Г. Слушатель и его роль в актах речевого общения // Языковое общение: единицы и регулятивы: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1987. — С.26-38.
12. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. — К.: Вища школа, 1986.
13. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. — С.151-169.
14. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 18. — С.242-263
15. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1984. — С.3-12.
16. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения: Межвуз. сб. научн. трудов. — Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1989. — С.9-16.
17. Филипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков:ИГЦ, 2004.
18. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Проблемы экономического дискурса. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2003. — С.11-22.
19. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16 – 20 вв.: Монография. – Харьков: Константа, 1998.
20. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харків. нац. ун-ту. ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586.– С. 33-38.
21. Carston R.Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics // Mind and Language. — 2002. — V.17. — No.1-2 — P. 127-148.
22. Dijk T.A., van. The study of discourse // Discourse studies: A multidisciplinary introduction: In 2 vol. / Ed. by T.A. van Dijk. – L., etc.: Sage, 1997. – Vol. 1.: Discourse as structure and process. – P.1-34.
23. Edmondson W. Discourse: A Model for Analysis. – London: Sage, 1981.
24. Foucault M. The Archeology of Knowdge. – L.: Routledge, 1972.
25. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1982.
26. Levinson S.C. Pragmatics. — London etc.: Oxford University Press, 1983.
27. Sacks H., Schegloff E., Gefferson G. A simplest systematic of turn taking for conversation//Language. – 1974 – V.50 – P.695-735.
28. Schifffrin D. Approaches to discourse. — Oxford, Cambridge, 1994.
29. Searle J. The Construction of Social Reality. — N.Y., London, etc.: The Free Press, 1995.
30. Sincler J., Brazil D. Teacher Talt. — Oxford: OUP, 1982.
31. Sincler J., Coulthard R. Towards an Analysis of discourse. – Oxford: OUP, 1975.
32. Vanderveken D. Illocutinary logic and self-defeating speech acts // Speech act theory and pragmatics. Ed. by J.R.Searle et al. — Dordrecht et al.: Reidel, 1980. — P.247-273.
33. Yule G. Pragmatics. – Oxford:OUP, 1996.